

L 750 / 599
ЮРИДИЧЕСКІЯ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И СТАТЬИ.

v. 1
Общая теорія права.—Обычное право.—Гражданское право.—
Торговое право.—Гражданскій процессъ.

А. Х. ГОЛЬМСТЕНА

ОРИНАРНАГО ПРОФЕССОРА ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин. 28.

1894.

А. Прокудин

APR 4 1930

2152

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль объ изданіи этого сборника слагалась съ большою постепенностью. Сначала я предполагалъ выпустить третьимъ изданіемъ, давно уже распроданное, изслѣдованіе мое „Принципъ тождества“. Затѣмъ, сказался спросъ и на другія мои работы. Отсюда было не далеко до мысли издать сборникъ въ составѣ этихъ работъ, а отъ этой мысли шагъ до изданія полнаго собранія сочиненій. Сдѣлать этотъ шагъ я, однако, считалъ преждевременнымъ и остановился на мысли издать сборникъ лишь тѣхъ сочиненій, которыя или обратили на себя вниманіе моихъ ученыхъ собратій, или не лишены, по моему мнѣнію, и по сейчасъ нѣкотораго интереса ¹⁾. Всѣ эти изслѣдованія и статьи, за исключеніемъ реферата «Семейное право современной Болгаріи», были или изданы отдѣльно, или помѣщены въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Большая часть ихъ нынѣ отпечатана безъ существенныхъ измѣненій, нѣкоторыя же подверглись или редакціоннымъ поправкамъ (напр. «Состязательное начало»), или измѣненіямъ по существу (напр., «О душепри-

¹⁾ Статьи, не вошедшія въ этотъ сборникъ, см. Спб. Вѣд. 1876 г. № 75, Жур. гр. и уг. права, 1880 г. кн. 3 и 6, 1881 г. кн. 1, 2 и 5, 1882 г. кн. 2, 3, 4 и 6, 1883 г. кн. 3 и 9, 1884 г. кн. 1, 1885 г. кн. 1, 6 и 7, 1886 г. кн. 10, 1887 г. кн. 8 и 9, 1888 г. кн. 2 и 5, 1889 г. кн. 10, 1890 г. кн. 9 и 10, 1893 г. кн. 5 Юрид. Лѣтоп. 1891 г. кн. 3 5, 6, 8, 9, 1892 г. кн. 6.

кащиках»), но сознаюсь и въ то же время извиняюсь передъ читателями въ недостаточности этихъ поправокъ и измѣненій. Одновременное съ этимъ сборникомъ печатаніе другихъ моихъ сочиненій мѣшало мнѣ удѣлить редакціонной сторонѣ сборника столько времени, сколько бы я желалъ, отложить же изданіе его, по многимъ причинамъ, для читателей неинтереснымъ, было неудобно.

Что касается научныхъ взглядовъ, мною проводимыхъ, то ни въ какой «перемѣнѣ фронта» за истекшія двадцать лѣтъ моей скромной дѣятельности я себя упрекнуть не могу. Какъ съ первыхъ шаговъ этой моей дѣятельности, такъ и посейчасъ я служилъ и служу по мѣрѣ силъ догматической школѣ въ юриспруденціи. Но, съ другой стороны, я не относился безучастно къ успѣхамъ догматической юриспруденціи и, напр., когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ стало выдвигаться новое, Бюловское, направленіе въ догматической разработкѣ гражданскаго процесса, то я примкнулъ къ этому направленію. Въ первое десятилѣтіе моей дѣятельности я стоялъ на почвѣ господствующаго и понынѣ въ наукѣ гражданского процесса направленія; съ наступленія второго десятилѣтія, я перешелъ на сторону новаго, и уже второй десятокъ лѣтъ работаю въ духѣ этого направленія. Такой переходъ отъ стараго къ новому, держась строго въ предѣлахъ догматической школы, нисколько меня не смущаетъ и никто мнѣ этого въ упоръ не поставитъ. Перейдя на сторону новаго направленія, я тѣмъ не менѣе настолько проникнуть сознаниемъ научности стараго, что не могъ не помѣстить въ этомъ сборникѣ двѣ мои работы, написанныя въ духѣ послѣдняго ¹⁾, хотя сознаюсь, что въ ряду другихъ онѣ звучатъ нѣкоторымъ диссонансомъ.

Несмотря на мое почти неодолимое желаніе подробно бесѣдовать съ учеными, критически отнесшимися къ тѣмъ или другимъ взглядамъ, изложеннымъ въ моихъ «Исслѣдованіяхъ и статьяхъ», я долженъ отъ этого отказаться, считая неудобнымъ придавать предисловію характеръ полемиическій. Да и исчерпать всю массу сдѣланныхъ критическихъ ука-

¹⁾ „Состязательное начало“, стр. 402—484. „Объ отношеніи гражд. судопр. къ гражд. праву“, стр. 232—242.

заній нѣтъ возможности. Я ограничусь лишь парюю замѣчаній по поводу высказаннаго тѣми изъ моихъ ученыхъ собратій, мнѣніемъ коихъ я особенно дорожу.

Начну съ моихъ «Этюдовъ» (стр. 1—34). Возгорѣвшаяся въ 1884 г. между мною и проф. Муромцевымъ полемика окончилась ничѣмъ—каждый остался при своемъ, обостривъ лишь въ пылу борьбы отстаиваемыя имъ положенія. Последнее слово осталось за мною, но я не считалъ удобнымъ воспользоваться имъ,—оппонентъ мой велъ полемику не такъ, какъ это принято въ средѣ людей науки. Вотъ какъ характеризуетъ историкъ нашего гражданского права, проф. Шершеневичъ, эту полемику: «нужно отдать справедливость г. Гольмстену,—говорить онъ—въ этой полемикѣ онъ преслѣдовалъ исключительно научныя цѣли и относился съ полнымъ уваженіемъ къ своему противнику, тогда какъ г. Муромцевъ перенесъ дѣло на личную почву... (Наука гражд. права въ Россіи въ Учен. Зап. Баз. Унив. 1893 г., кн. 2, стр. 32). Продолжать эту, быть можетъ, «весьма интересную», по словамъ проф. Шершеневича, полемику, я ни малѣйшаго желанія не имѣю. Мнѣ хотѣлось бы, прежде всего, по поводу этой полемики, посвятить нѣсколько словъ проф. Азаревичу. Я высоко цѣню знанія и талантъ проф. Азаревича и мнѣ было больно читать, какъ онъ неистово накинулся на моего противника, проф. Муромцева,—это было нѣчто изъ-ряда вонъ выходящее. Если я, какъ выражается проф. Азаревичъ, — вмѣстѣ съ проф. Пахманомъ, обратилъ въ ничто измышленія проф. Муромцева, если проф. Муромцевъ на мою «спокойную и въ то же время уничтожающую критику могъ отвѣтить только вызывающимъ тономъ, не найдя возможнымъ коснуться существенныхъ пунктовъ» (Предисл. къ 2 т. Системы римскаго права, стр. II, V—VI), то это не давало права проф. Азаревичу отрицать въ проф. Муромцевѣ и знанія, и талантъ, и добросовѣстность. Пусть проф. Азаревичъ считаетъ меня побѣдителемъ — мнѣ это, въ виду несомнѣнной компетентности его въ вопросахъ подобнаго рода, весьма пріятно,—но когда онъ наноситъ оскорбленія моему побѣжденному противнику, я отказываюсь отъ всякой съ нимъ солидарности. Пусть подобный способъ защиты останется неотъемлимымъ

достоянiемъ противниковъ того направленiя, которому мы съ проф. Азаревичемъ служимъ.

Что касается сдѣланныхъ по поводу «Этюдъ» возраженiй по существу, то таковыя я нахожу въ актовъ рѣчи проф. Базанцева: «Значенiе науки римскаго права» (Кiевск. Унив. Извѣстiя. 1893 г. кн. 2 стр. 1—17) и въ соч. проф. Шершеневича: «Наука гражданскаго права въ Россiи» (стр. 31—35). Проф. Базанцевъ, почти буквально излагая, какъ *communis doctorum opinio*, существенныя части моего перваго «Этюда», дѣлаетъ мнѣ, какъ одному изъ «нѣкоторыхъ» сторонниковъ изложеннаго имъ (т.-е. моего) взгляда, лишь одно возраженiе. Возраженiе это основано на очевидномъ недоразумѣнiи. Проф. Базанцевъ полагаетъ, что и по моему мнѣнiю статическiе законы суть или только такъ-называемыя *regulae juris*, или только общiя правила, излагаемыя въ общей части науки гражданскаго права. Онъ относитъ къ числу законовъ статикъ и такiя правила, которыя касаются отдѣльныхъ институтовъ, излагаемыхъ въ особенной части; и которымъ не присущъ признакъ вѣчности. Развѣ я не говорю въ сущности то же самое въ своихъ «Этюдахъ»? Во-первыхъ, я различаю законы отъ тѣхъ явленiй, которыя ими управляются; законъ, какъ соотношенiе явленiй, неизмѣненъ, явленiя же измѣняются и даже всѣмъ могутъ исчезнуть, но пока явленiя существуютъ, существуетъ и законъ. Мало того, я прямо отрицаю эту вѣчность научныхъ законовъ, по той простой причинѣ, что мы не знаемъ сегодня, что будетъ завтра; весь мiръ можетъ измѣниться, и всѣ наши статическiе законы потеряютъ силу (см. стр. 3—4). Во-вторыхъ, я же провожу различiе между общими и прикладными статическими законами, настаивая не на качественномъ, а на количественномъ ихъ отличiи (см. стр. 13), и привожу рядъ этихъ прикладныхъ законовъ по отношенiю къ займу (см. стр. 11—13). Очевидно, проф. Базанцевъ не обратилъ вниманiя на эти мои положенiя.

Замѣчанiя проф. Шершеневича какъ-то отрывочны и неопредѣленны: его собственныхъ воззрѣнiй никакъ не уловишь, не узнаешь—сторонникъ онъ или противникъ разбираемаго имъ взгляда, а между

тѣмъ никакая критика невозможна, если критикъ не указываетъ точно и опредѣленно, какое положеніе онъ занимаетъ въ возгорѣвшемся спорѣ. Замѣчанія проф. Шершеневича по существу сводятся къ двумъ: 1) нельзя смѣшивать паденіе закона науки съ непримѣняемостью его и 2) нѣтъ надобности начинать изученіе юриспруденціи съ римскаго права—достаточно воспользоваться отдѣльнымъ для дальнѣйшихъ построеній. Первое замѣчаніе сдѣлано по поводу того, что я считаю законы неизмѣнными, пока неизмѣнились управляемые ими явленія; съ паденіемъ послѣднихъ падаютъ и первые. Я только и допускаю «паденіе» закона науки и, признаюсь, совершенно не понимаю «непримѣняемость» его; «примѣнять» законы науки нельзя; примѣняются лишь законы въ смыслѣ нормъ положительнаго права. Наконецъ, еслибы ихъ можно примѣнять въ томъ или другомъ условномъ смыслѣ, то вѣдь съ паденіемъ явленія эта возможность пресѣкается. На этомъ замѣчаніи можно бы было и не останавливаться, въ виду совершенной неясности его. Второе замѣчаніе тоже нѣсколько темновато. Я говорю, что римскіе юристы сдѣлали столько открытій и наблюденій въ области юридической статистики, что, во избѣжаніе отысканія того, что уже давно найдено, слѣдуетъ начать изученіе съ римскаго права. По мнѣнію проф. Шершеневича это не такъ: надо только воспользоваться сдѣланнымъ для дальнѣйшихъ построеній. Мысль эту я понимаю такъ: римское право надо изучать не отдѣльно, а слитно съ тѣмъ или другимъ національнымъ правомъ. Если такова мысль проф. Шершеневича, то вѣдь то-же самое говорилъ проф. Муромцевъ, и мнѣ остается лишь сослаться на сказанное мною противъ этого на стр. 30—31.

Затѣмъ, не могу не возразить на критическое замѣчаніе проф. Коркунова по затронутому мною въ изслѣдованіи «Принципъ тождества» важному вопросу объ объектѣ права (стр. 276, 277). Проф. Коркуновъ, во 2 изд. своихъ «Лекцій по общей теоріи права», высказывается противъ взгляда моего, что объектомъ права могутъ быть лишь дѣйствія лица. Возраженіе состоитъ въ томъ, что взглядъ этотъ, когда субъектомъ права, напр. права собственности, является лицо недѣеспособное, приводитъ къ двумъ совершенно несообразнымъ выводамъ, а именно: у одного и того же

права могутъ оказаться два совершенно разнородныхъ объекта: дѣйствія свои, т.-е. самого недѣеспособнаго, и дѣйствія чужія, т.-е. опекуна, а если не считать дѣйствія опекуна объектомъ права, то право можетъ оказаться безъ объекта (стр. 137). По существу это возраженіе очень старо и, приводя его, слѣдовало бы обратить вниманіе на соображенія, высказанныя противъ него, и подвергнуть ихъ критикѣ. Возраженіе это на всевозможные лады приводилось сторонниками теоріи интереса противъ волевой теоріи. Достаточно сослаться на Іеринга (*Geist d. röm. R. V. III, § 60, 61*) и Виндшейда (*Pandecten. V. 1, § 37 not. 2*). Хотя ученые обоихъ этихъ лагерей и не считаютъ объектомъ права дѣйствіе, но спорятъ въ сущности по вопросу о содержаніи дѣйствія, т.-е. о волѣ, которая, конечно, выражается въ формѣ дѣйствія. Сторонники теоріи интереса говорятъ, что строить опредѣленіе права на волѣ нельзя—тогда придется признать, что лицо, не имѣющее воли, не имѣетъ и правъ, а между тѣмъ недѣеспособный не имѣетъ воли, а права имѣетъ. Противъ этого сторонники волевой теоріи возражаютъ, что и недѣеспособный обладаетъ волею, но она страдаетъ такими недостатками, что ее необходимо замѣнить волею опекуна, волею, которая считалась бы юридически, въ предѣлахъ установленныхъ закономъ, волею недѣеспособнаго. То же самое надо сказать и объ осуществленіи этой воли; недѣеспособный не можетъ осуществить свою волю; мѣсто ее заступаетъ воля опекуна, которая и осуществляется *какъ* воля недѣеспособнаго или, какъ говорятъ, осуществляется *отъ имени* недѣеспособнаго—какъ будто бы самъ недѣеспособный осуществилъ свою волю. Конечно, это фикція, но фикція, безъ которой ни необходимое, ни добровольное представительство обойтись не могутъ. Примѣняя эти соображенія волевой теоріи къ объекту права недѣеспособнаго, мы говоримъ, что объектомъ этимъ являются, *въ юридическомъ смыслѣ*, дѣйствія самого недѣеспособнаго, совершаемыя имъ не самолично, а черезъ другое лицо, дѣйствующее *отъ его имени*. Въ виду этого мы не допускаемъ, чтобы можно было изъ взгляда на объектъ права, какъ на дѣйствіе лица дѣлать выводъ, что въ правѣ, принадлежащемъ недѣеспособному, имѣются два объекта или что право это безъ объекта.

Наконецъ, не могу отказать себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ г-жею Ефименко, которая въ предисловіи къ своему труду «Исслѣдованія народной жизни» дѣлаетъ нѣсколько возраженій на ст. мою «О юридическомъ значеніи труда» (стр. 35—47). И въ этомъ случаѣ полемика привела къ обычнымъ результатамъ—г-жа Ефименко осталась при своемъ мнѣніи, я—при своемъ, и если я считаю нужнымъ отвѣтить здѣсь нашей талантливой бытописательницѣ, то только съ цѣлью устранить противорѣчіе, якобы оказавшееся въ моей статьѣ, и отвѣтить на вопросъ, авторомъ поставленный. Что касается противорѣчія, то оно можетъ быть усмотрѣно въ томъ, что, съ одной стороны, я не допускаю и мысли о самостоятельномъ юридическомъ значеніи труда въ юридическомъ быту нашего крестьянства, съ другой,—признаю различіе между народно-обычнымъ и культурнымъ правомъ, видя въ нихъ два различныхъ типа права, порожденныхъ различіемъ въ экономическомъ строѣ (Предисл. стр. XIII). Могу увѣрить г-жу Ефименко, что, оставаясь ея «архи-юридическимъ оппонентомъ», я продолжаю думать, что, хотя своеобразный экономическій строй жизни нашего крестьянства несомнѣнно кладетъ свой отпечатокъ на юридическій бытъ, но не допускаю, чтобы это доходило до того, чтобы трудъ, по существу своему тому не удовлетворяющій, разсматривался, какъ самостоятельный правопроизводящій фактъ, а трудовое начало считалось юридическимъ принципомъ. Есть несомнѣнно рядъ особенностей этого юридического быта, хорошо извѣстныхъ г-жѣ Ефименко, но не заключаются же онѣ въ началахъ, созданныхъ изслѣдователями этого быта, благодаря неумѣнію юридически квалифицировать жизненные явленія. Что же касается вопроса, который мнѣ предлагаетъ г-жа Ефименко, то онъ вызванъ сдѣланнымъ мною указаніемъ, что авторъ, для доказательства реальности трудового начала, подтягиваетъ факты подъ предвзятую мысль. Г-жа Ефименко спрашиваетъ: «откуда бы я взяла эту предвзятую мысль?» (стр. XIII). Прошу не обижаться на предлагаемый отвѣтъ. Я полагаю, что еслибы г-жа Ефименко начала изученіе юриспруденціи, столь необходимое при изслѣдованіи нашихъ юридическихъ обычаевъ, съ римскаго права, а не съ права первобытныхъ народовъ, то не открыла бы у насъ трудового начала.

Труды Мэна, Леббока и др. прекрасные и строго научные труды, но значеніе они могут имѣть для юристовъ, прошедшихъ строго-юридическую школу; въ противномъ случаѣ, изученіе ихъ, съ цѣлью подготовить себя къ изслѣдованію юридическихъ обычаевъ, приведетъ къ такимъ открытіямъ, какъ трудовое начало.

Этими замѣчаніями, я, къ сожалѣнію, долженъ ограничиться. Хотѣлось бы еще побесѣдовать со многими критиками моими, но ихъ указанія касаются болѣе частныхъ вопросовъ, и я боюсь начать съ ними полемизировать, предвидя, что бесѣда можетъ затянуться на протяженіи многихъ страницъ.

А. Г.

9 Октября 1898 г.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ.	I—X
I. Общая теорія права.	1—34
Этюды о современномъ состояніи науки права:	
1. Нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права.	1—19
2. Позитивизмъ, метафизика и римское право . . .	19—34
II. Обычное право	35—104
I. О юридическомъ значеніи труда въ обычномъ правѣ.	35—47
II. Къ вопросу о собираніи и изслѣдованіи юридическихъ обычаевъ	47—49
III. Двдцатилѣтняя практика Кемецкаго волостного суда по вопросамъ гражданскаго права. . .	50—91
IV. Семейное право современной Болгаріи	91—104
III. Гражданское право	105—216
I. О <u>душеприкащикахъ</u>	105—216
II. Къ вопросу объ обратныхъ требованіяхъ . .	151—171
III. Юридическая конструкція добровольной неустойки	171—178
IV. Отреченіе отъ наслѣдства въ ущербъ кредиторамъ	179—191
V. Преображенское дѣло.	191—216
IV. Торговое право.	216—231
I. Настоящее и будущее науки русскаго торговаго права.	217—227
II. Охраняется-ли право на фирму нашимъ закономъ?	227—331

V. Гражданскій процессъ	232—570
I. Объ отношеніи гражданского судопроизводства къ гражданскому праву	232—242
II. Правда и милость въ гражданскомъ судѣ	242—251
III. Принципъ тождества въ гражданскомъ процессѣ	251—381
IV. Первое двадцатипятилѣтіе устава гражданского судопроизводства.	381—392
V. По поводу 702 ст. уст. гр. суд.	392—395
VI. О договорномъ представительствѣ въ граждан- скомъ судѣ до и послѣ закона 25 мая 1874 г.	396—399
VII. О порядкѣ взысканія недоплаченныхъ пошлинъ съ наслѣдствъ.	400—401
VIII. Состязательное начало гражданского процесса въ теоріи и русскомъ законодательствѣ, пре- имущественно новѣйшемъ	402—484
IX. Судопроизводство по гражданскимъ дѣламъ, под- вѣдомственнымъ уѣзднымъ членамъ окруж- наго суда, земскимъ участковымъ начальни- камъ и городскимъ судьямъ	484—528
X. Почетные мировые судьи въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ.	528—533

I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА.

ЭТЮДЫ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ НАУКИ ПРАВА.

I.

Нѣсколько мыслей о позитивизмѣ въ наукѣ права ¹⁾.

Несмотря на то, что зачатки науки лежатъ въ глубокой древности, до настоящаго времени далеко не безспорно, что, собственно, можно и должно считать наукою, что — не наукою, а искусствомъ. Было время, и оно не особенно далеко отъ насъ, когда наукою называлось изученіе сущностей и силъ, когда задачи ея сводились къ раскрытію первопричинъ физическихъ и социальныхъ явленій. Нерѣдко великіе умы, гордость человѣческой расы, — искали этихъ первопричинъ, углублялись въ сущности и строили, какъ говорить Льюисъ, гипотезу на гипотезѣ и въ концѣ концовъ окончательно сбивались съ толку ²⁾. Поднятіе воды въ насосѣ, говоритъ Д. С. Милль, приписывалось тому, что природа боится пустоты; паденіе тяжелаго тѣла и восхождение пламени объяснялись стремленіемъ cadaго тѣла занять свое естественное мѣсто ³⁾. Великія открытія въ области естественныхъ наукъ показали, какъ мизерны эти гипотезы „боязни пустоты“, „естественнаго мѣста“ и т. п. Стало очевиднымъ, что умъ человѣческій пошелъ по ложному пути, что благодаря именно этому направленію онъ въ сущности ничего не далъ, что познаніе окружающихъ явленій не достигается построеніемъ гипотезъ, объясняющихъ сущность этихъ явленій. Пришли, наконецъ, къ тому, что для познанія этихъ явленій, въ виду тѣсной связи, между ними существующей, достаточно знаніе ихъ соотношенія. Великій мыслитель Огюсть Контъ поставилъ науку въ должные предѣлы, показалъ въ чемъ ея истинныя задачи. „Нашему знанію, говоритъ онъ, доступны только явленія; это знаніе явленій — относительно, не безусловно. Мы не знаемъ сущностей, ни даже реальнаго способа возникновенія извѣстнаго факта, для насъ доступны только его отношенія къ другимъ фактамъ, путемъ преимственности и сходства. Эти отношенія постоянны, т. е. при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ они бываютъ

¹⁾ Журн. гр. и уг. права 1884 г. кн. 3.

²⁾ Льюисъ и Милль. Огюсть Контъ и положит. философія пер. Неклюдова и Тиблена. Льюисъ. Философія наукъ О. Конта. С. П. Б 1867, стр. 42.

³⁾ Ibid, Милль. Огюсть Контъ и позитивизмъ стр. 13.

тѣже самыя. Постоянныя сходства, связывающія явленія, или та или другая постоянная послѣдовательность, ставящая ихъ въ опредѣленный порядокъ или какъ предъидущія или какъ послѣдующія въ отношеніи другъ къ другу—называются ихъ законами. Законы явленій—вотъ все, что мы знаемъ касательно явленій. Сущность ихъ природы, ихъ первичная, дѣятельная или конечная причина неизвѣстна и недоступна для насъ¹⁾. Опредѣливъ такимъ образомъ задачу науки, великій основатель позитивизма показалъ по какому пути слѣдуетъ идти научнымъ изслѣдователямъ. Но формулируя такъ эту задачу, Контъ идетъ какъ бы противъ природы человѣческаго ума, противъ сродной человѣку пытливости, онъ какъ будто говоритъ: не спрашивайте „почему“ происходятъ явленія—не дознайтесь вамъ этой причины; наука можетъ только отвѣтить на вопросъ „какъ“ совершаются явленія. Это обвиненіе не совсѣмъ основательно. Контъ не отвергаетъ изученіе причинъ. Онъ отвергаетъ только вопросы о первоначальномъ происхожденіи и о дѣтеляхъ, отличныхъ отъ того, что называютъ причиною естественною. Онъ считаетъ недоступными для насъ только причины, которыя сами не суть явленія²⁾. Слѣдовательно, вопросъ, почему происходитъ извѣстное явленіе, есть именно вопросъ, на который должна дать отвѣтъ наука, но она отвѣчаетъ фактомъ и предѣлы отвѣта ограничиваются лишь тѣмъ, насколько причиною можетъ быть выставленъ фактъ; если нѣтъ факта, такъ сказать причиннаго, то и наука должна поставить точку.

И такъ, задача науки—отысканіе законовъ. Когда найденъ законъ, говорятъ Кэри, гармонія и порядокъ заступаютъ мѣсто хаоса и мы, въ каждомъ явленіи, къ какой бы области знанія оно ни принадлежало, должны видѣть естественное слѣдствіе извѣстныхъ и опредѣленныхъ причинъ и предвидѣть возобновленіе того-же явленія въ случаѣ стеченія тѣхъ же самыхъ причинъ³⁾.

Но что такое законъ? Какъ ни ясенъ, повидимому, хотя-бы изъ словъ Кэри, отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ ни бесспорно самое опредѣленіе закона, въ смыслѣ правила, по которому неизмѣнно комбинируются извѣстныя явленія въ порядкѣ причинности—какъ ни ясно это, тѣмъ не менѣе, подробный анализъ понятія закона порождаетъ рядъ недоумѣній. Такъ одни, напр. проф. Пахманъ⁴⁾, говорятъ, что законы и суть то, что называютъ обыкновенно принципомъ, т. е., начала, выводимыя изъ сопоставленія явленій. Другіе, напр. проф. Муромцевъ⁵⁾ и Коркуновъ⁶⁾ говорятъ, что эти понятія нельзя отождествлять, что принципъ есть тоже явленіе, т. е. нѣчто измѣняющееся, тогда какъ законъ неизмѣненъ. Оба эти мнѣнія и вѣрны и невѣрны, смотря потому, что понимать подъ принципомъ. Намъ кажется, что принципъ есть вообще общая мысль, проходящая сквозь пѣлый рядъ явленій. Съ этой точки зрѣнія и законъ подходитъ подъ общее понятіе принципа; законъ, съ этой стороны есть тоже принципъ, но не всякій принципъ есть законъ. Принципъ, въ указанномъ общемъ смыслѣ, есть понятіе родовое; виды его суть: во 1-хъ, принципъ въ собственномъ смыслѣ, какъ начало руководящее, такъ сказать извнѣ приходящее, привходящее, — начало скорѣе искусства, дѣятельности, нравственности и т. п., чѣмъ науки. Принципъ, въ этомъ смыслѣ, есть нѣчто

¹⁾ Ibid, стр. 8.

²⁾ Ibid, стр. 33.

³⁾ Кэри. Руководство къ социальной наукѣ, переводъ князя Шаховскаго. Спб. 1869, стр. 30.

⁴⁾ Пахманъ. О соврем. движеніи въ наукѣ права. Спб. 1882, стр. 35.

⁵⁾ Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва. 1879. стр. 15—18.

⁶⁾ Коркуновъ. Наука права и естествознаніе. Журн. гр. и уг. права. 1879, кн. 3, стр. 162—163.

весьма измѣнчивое; онъ касается явленій, насколько они поддаются внѣшнему вліянію, измѣненію; явленія передѣлываются на извѣстный ладъ, даже создаются ради принципа; мы часто говоримъ принципъ *проводится*, т. е. явленіе приводится въ соотвѣтствіе съ извѣстною общою мыслью. Потому-то напр. въ естественныхъ и математическихъ наукахъ, въ логикѣ, въ социологіи, нѣтъ принциповъ, а есть законы, тогда какъ въ политикѣ, нравственности и т. п. нѣтъ законовъ, а есть лишь принципы. Очень часто принципы называются и законами; такъ напр. проф. Андреевскій ¹⁾ полагаетъ, что извѣстный принципъ государственной политики: „въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльное лицо собственными силами не можетъ создать благопріятныхъ условій безопасности и благосостоянія, на помощь должно явиться государство“—есть законъ. Это не законъ, а совѣтъ, даваемый политикомъ представителямъ государственной власти; это принципъ дѣятельности, правило искусства, сплошь и рядомъ нарушаемое. Въ 2-хъ, видовъ принципа является законъ, это — тоже общая мысль, проходящая сквозь группу явленій; но она не извнѣ прикладывается къ явленіямъ, а заключается въ постоянномъ ихъ соотношеніи; провести законъ нельзя, онъ самъ собою пролагаетъ путь; можно проявленіе его задержатъ; можно создать рядъ неблагопріятныхъ условій для его проявленія. Возьмемъ законъ физики: „тѣло, приведенное въ движеніе, должно двигаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ остановлено“. Тутъ во всѣхъ случаяхъ коль скоро задано движеніе, тѣло движется. Нарушать этотъ законъ нельзя—можно лишь положить извѣстныя препятствія къ обнаруженію его, напр. задать движеніе тяжелому тѣлу по неполированной поверхности и т. д.

Дальнѣйшія недоумѣнія относительно понятія закона порождаетъ основной характеръ его — неизмѣнность. Этотъ характеръ отнюдь не можетъ быть выведенъ изъ логической конструкціи закона. Каждый законъ выражается въ формѣ, говоря языкомъ логики, гипотетическаго сужденія ²⁾; всегда законъ формулируется такимъ образомъ: „если или когда имѣетъ мѣсто то-то, то наступаетъ то-то“. Если станемъ на исключительно логическую точку зрѣнія, то каждое гипотетическое сужденіе — будетъ неизмѣнный законъ. Нѣтъ, неизмѣнный характеръ закона науки имѣетъ свое основаніе не въ формальной логикѣ. Хотя каждый законъ есть гипотетическое сужденіе, но не всякое гипотетическое сужденіе есть законъ. Измѣнность научнаго закона лучше назвать неизбѣжностью или, по крайней мѣрѣ, подъ неизмѣнностью понимать неизбѣжность. При данныхъ условіяхъ — въ силу закона науки — только и можетъ наступить данное послѣдствіе; уже другаго, противоположнаго, наступить не можетъ. Въ области науки возможны такіа явленія, которыя находятся въ причинной связи, но причинная связь эта не неизбѣжна—ее можетъ и не быть. Понятно, положеніе, выражающее эту связь, не будетъ закономъ. Обыкновенно, и Контъ и др. неизбѣжность научнаго закона называютъ постоянствомъ, но постоянство указываетъ болѣе на моментъ времени дѣйствія закона (законъ дѣйствуетъ *всегда*, когда имѣются извѣстныя условія), чѣмъ на необходимость его дѣйствія (законъ дѣйствуетъ *непрерывно*, когда имѣются извѣстныя условія). — Понятно само собою, что неизмѣнность или неизбѣжность закона, выражающаго собою постоянство отношенія явленій, отнюдь не предполагаетъ тѣхъ-же свойствъ и относительно самыхъ явленій. Измѣнныхъ явленій — нѣтъ; никто не можетъ поручиться, что завтра земля перестанетъ вращаться вокругъ оси; но пока она вращается, день будетъ смѣняться ночью.

¹⁾ Андреевскій. Полицейское право. Спб. 1874, кн. I, стр. 17.

²⁾ Дитесъ. Практическая логика—пер. Запольскаго. Спб. 1873. стр. 62, Beck. Grundriss der empir. Psychologie und Logik. Stuttgart, 1869. S. 109.